

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

ФЕДОРОВ А. И.

РУССКИЙ ЯЗЫК В СИБИРИ

Начиная статью, автор считает необходимым оговорить ее название и определить задачи. Разумеется, русский язык в Сибири — это тот же русский национальный язык, но имеющий много своеобразных черт, прежде всего, в лексике, меньше — в фонетике, морфологии, синтаксисе. Это своеобразие русского языка в Сибири сформировалось за четыреста лет его употребления многими поколениями русских людей (начиная от первопроходцев и кончая нашими современниками) в условиях сибирской географической среды, к которой они должны были приспосабливаться, осваивая новые виды производства, при длительных контактах с аборигенным населением Сибири: в большей мере с финно-уграми (ханты и манси) и тюрками, меньше с тунгусо-маньчжурами, самодийцами. Это был процесс плодотворного взаимодействия культур русского и сибирских народов, продолжавшийся около четырехсот лет. С наибольшей интенсивностью он проявляется себя в советский период. Ясно, что этот процесс не мог проходить без взаимодействия языков этих народов.

Советские историки и этнографы, подробно изучившие жизнь и быт, материальную и духовную культуру народов Сибири, отметили новые виды труда (и главное — освоение русской земледельческой культуры), появившиеся у аборигенов Сибири после ее заселения русскими [1—2]. Поэтому уже в XVIII в. в языки народов Сибири, вступивших в контакт с русскими, проникает значительное количество русских слов. Дальнейшее сближение отдельных групп народов Сибири с русскими (а также многочисленные брачные связи русских с аборигенами) привели к переходу отдельных групп сибирских народов на русский язык, первоначально через двуязычие с последующей утратой своего языка. Так, по наблюдениям К. М. Браславца [3], шел процесс формирования камчатского наречия в результате интеграции ительменского языка и русских говоров переселенцев, исторически осложнявшийся в результате последующих переселений на Камчатку разноречных групп русских крестьян, служилых людей.

Подобные же процессы происходили с некоторыми группами юкагиров на Нижней Индигирке, татар в Западной Сибири, ханты, манси и др. С другой стороны, отдельные группы русского населения, оказавшись в иноязычном окружении, в новой этнической среде с ее бытом, обычаями, занятиями, духовной и материальной культурой, вступая в брачные связи с аборигенами, воспринимали их язык. Так, например, шел процесс перехода на якутский язык у некоторых русских переселенцев в Якутии.

Русский язык с самого начала его бытования в Сибири был не литературным, а диалектным. Литературно-письменный язык стал распространяться в Сибири в конце XVII в., в период развития русского национального государства с его органами власти и управления. Он существовал, главным образом, в форме делового стиля¹.

¹ Утверждая это, нельзя отрицать в развитии литературно-письменной формы общения русского населения Сибири конца XVII и в XVIII в. влияния старообрядческой литературы, которая создавалась под сильным воздействием произведений протопопа Аввакума. Лексика произведений сибирских старообрядцев представляет собой

До Октябрьской революции воздействие русского литературного языка на диалектную сибирскую речь было слабым: его знала или осваивала незначительная часть населения Сибири, главным образом, интеллигенция, а также семьи зажиточных слоев населения (купечества, буржуазии).

Смещение разноречных групп населения в Сибири при разной степени воздействия на их речь литературного языка привело к образованию сибирского городского просторечия и вызвало процесс разрушения диалектных микроструктур, образование такого состояния говора, которое в лингвистической литературе получило название «полудиалект» [4, с. 6].

По сведениям, которыми располагает современная историческая и лингвистическая наука, первыми русскими переселенцами в Сибири были северновеликорусы [5, 6], выходцы из городов и населенных пунктов Европейского Севера (Устюга, Вычегоды, Холмогор, Пинеги, Цыльмы и др.) с последующим переселением носителей других русских говоров: псковичей, новгородцев, тверичей и др. В зависимости от количества этого пришлого населения в различных местах Сибири по-разному формировались и разные типы говоров. Наибольшей определенностью и устойчивостью языковых черт отличаются старожильские говоры Сибири, созданные на севернорусской основе. В них сохраняются все основные черты материнских северновеликорусских говоров. Но за четыреста лет существования на «сибирской почве» они претерпели существенные изменения, особенно в лексике. По-видимому, уже в начале XVII в. из речи первого поколения северновеликорусских первопроходцев, осевших в Сибири, стали исчезать слова, для семантики которых не было в сибирской действительности предметной опоры. Так, например, северновеликорусское *възводъ* «большая волна на море», восходящее к древненовгородскому *възводъ* «подъем воды в Волхове» (*В лето 1176 иде Вълхово опять на възводъ по 5 дний*. Новг. I лет.), сохранилось только в некоторых прибайкальских говорах с изменением формы и значения: *зводни* «волны, зыбь на воде». В архангельских, вологодских, пермских, олонечских говорах известны два видовых названия косы: *стойка* «коса, насаженная на длинное косье, которой косят стоя» и *горбушка* «коса с короткой изогнутой рукояткой, приспособленная для скашивания травы под деревьями, а также в неудобных, заросших мелким кустарником местах». В условиях Сибири и тот и другой вид косы оказались непригодными. И поэтому вместе с соответствующими предметами исчезли и слова (сибиряки пользуются *косой-литовкой*).

Некоторые слова, унаследованные из материнских говоров, переосмыслились в результате переноса названия на другой предмет, выполняющий сходную или одинаковую функцию. Так, например, в архангельских и вологодских говорах широко известно слово *подызбица*, унаследованное из древнего новгородского диалекта (*Бысть вода велика сильно, прибывала до Троицыны дня. И поныло на Сокольницы, въ Колачниках и по многимъ по инымъ местамъ подызбицы, и в них и не жили*. Новг. IV лет.), и имеет значение «нижний этаж дома». В некоторых северновеликорусских деревнях *подызбицы* используются не как жилое помещение, а для хранения домашнего скарба, инвентаря и т. п. На этой функциональной основе в слове *подызбица* в Сибири развилось значение «чердак». При этом в семантической структуре слова оказалась утраченной внутренняя форма.

Лексика современных старожильских говоров существенно отличается от лексики материнских говоров главным образом потому, что за четыреста лет в тех и других (поскольку они существовали независимо друг от друга) возникло большое количество новых слов в результате диалектного словопроизводства и заимствования слов из разных источников:

смесь русизмов и церковнославнизмов, отражающих пафос негодования на произвол царской власти и официальной церкви, грубопросторечных и даже сибирских диалектных слов. Но влияние языка таких произведений на живую разговорную речь сибиряков было ограниченным и недолговременным, оно распространялось только на речь вводящих старообрядцев.

северновеликорусские говоры продолжали заимствовать лексику из финно-угорских языков; сибирские русские говоры заимствовали ее в большей мере из тюркских языков, меньше из тунгусо-маньчжурских.

Надо полагать, что старожильческие говоры даже с самого начала их сложения не были единообразными. Изучая диалектную основу среднеобских говоров, В. В. Палагина обнаружила в четырех группах среднеобских говоров около тридцати комбинаций материнских говоров. Комбинации материнских и иных говоров при сложении и развитии других говоров Сибири мало изучены.

В XVIII в. в Сибирь были высланы из западной части России многие старообрядцы, которые на Алтае получили название «верхнеудинских» и в Забайкалье — «семейских». В XIX в. приток переселенцев в Западную и Восточную Сибирь возрастает главным образом за счет русских² из центральных и южных областей, а также украинского и белорусского населения. Различное количественное соотношение разнодиалектного русского, украинского и белорусского населения в процессе слияния с носителями старожильческих русских говоров, а также образование так называемой «русской смесицы» (население от смешанных браков) — все это обуславливает формирование разнотипных говоров. Независимо от расхождения мнений ученых относительно классификации говоров Сибири (см. работы А. М. Селищева, П. Я. Черных, В. А. Сенкевича, В. В. Палагиной, О. И. Блиновой и др.) все сибирские говоры с известным основанием можно подразделить на четыре основных типа: 1) старожильческие (челдонские); 2) смешанного типа; 3) говоры новоселов; 4) так называемые «островные» говоры.

В лингвистической науке русские говоры Сибири долгое время оставались совершенно неизученными. В конце прошлого века акад. А. И. Соболевский, оценивая состояние русской диалектологии как науки, имел основания утверждать, что русские говоры Сибири совсем неизвестны [8]. Впервые попытки последовательно и в зависимости от материала с относительной полнотой охарактеризовать русские говоры Сибири А. М. Селищев [9]. В этой работе дано описание фонетики и морфологии, главным образом, старожильческих говоров, но не все объяснения фактов, предложенные в этой работе, убедительны. Так, например, едва ли известный в Сибири фонетический вариант *клев* (от *хлев*) возник по аналогии с *клеть* [9, с. 242]: форма *клев* известна во многих русских говорах, в которых слово *клеть* отсутствует. Очевидно, форма *клев* из *хлев* возникла в результате частичной регрессивной ассимиляции по способу образования.

Можно найти в работе А. М. Селищева и другие неточности, которые, конечно, не определяют ее оценку. Названный очерк послужил основой для многих диалектологов, изучавших фонетику и морфологию говоров Сибири различных регионов: Г. И. Матвеевой [10], В. В. Палагиной [11], К. М. Браславца [4], В. А. Сенкевича [12].

Дальнейшее описание диалектной фонетики и морфологии оказалось, однако, малоперспективным для сибирских говоров смешанного и переходного типов, испытывающих сильное и все более нарастающее влияние литературного языка: такие говоры почти утратили традиционные фонетические и морфологические черты. Из фонетических исследований сибирской диалектологии большое значение могли бы иметь сопоставительные-типологические работы, в которых можно было бы найти сведения о регулярных соответствиях акустических качеств фонем русского говора и взаимодействующего с ним языка аборигенов, а также сведения о типовых и возможных сочетаниях фонем и в слове в этих языках. Такие исследования помогли бы установить процесс фонетического и морфологического освоения заимствования. Так, например, принято считать изве-

² Смешанный характер восточнославянского населения в Сибири, как доказывает И. А. Воробьева [7], подтверждается топонимикой. Это прекрасно понимают и сами сибиряки, характеризуюя разнодиалектный характер жителей сел и деревень фразеологическими оборотами: *Кислое с пресным переболталось; Божье с грешным перемешалось*.

стное в русском литературном языке слово *торбаза* заимствованным из якутского языка через посредство сибирских говоров. Но как объяснить в результате такого заимствования утрату сильного начального звука *е* и переход последующих *е* в *о* и *а*: якут. *э́тэ́рбэс* [13, с. 549], русск. *торбаза*?

Разнотипный характер русских говоров Сибири, наличие смешанных и «островных» говоров — все это создает такую пеструю картину переплетения (фонетических и морфологических) разнодialeктных черт, которую нельзя представить на лингвистической карте. Поэтому сибирские диалектологи отказались от идеи создать диалектологический атлас русских говоров Сибири. Наиболее перспективным оказалось изучение диалектной лексики, разнообразной и очень богатой. Эти качества сибирской диалектной лексики обусловлены периферийностью сибирских русских говоров, смешанным характером значительной их части и разными контактами с языками аборигенов. Независимо от этого в лексике в абсолютном большинстве сибирских русских говоров преобладает «старожильческий» слой, развившийся на северновеликорусской диалектной основе, что обусловлено внеязыковыми причинами: общностью географической среды, расселением носителей старожильческих говоров по всей территории Сибири.

О лексике русских сибирских говоров написано много статей, несколько монографий. Аспекты исследования фактического материала в них разные, они зависели и от содержания лексикологических работ известных лингвистов страны (Ф. П. Филина, Д. Н. Шмелева, В. В. Палагиной, Т. С. Коготковой) и вместе с тем определялись и спецификой лексики сибирских говоров. Из всех лексикологических работ сибирских диалектологов следует выделить статьи и монографии В. В. Палагиной, посвященные реконструкции исходного состояния томского говора. В этих работах автор устанавливает на основе данных письменных памятников XVII—XVIII вв., фактического материала современных томских и материнских европейских говоров разновременные комбинации разнодialeктных систем, которые имели место в процессе исторического сложения томского говора, и более поздних вкраплений в его урочи. Метод исследования, разработанный В. В. Палагиной, оказался плодотворным для изучения истории говоров томского региона и, разумеется, может не дать ожидаемых результатов при анализе диалектных структур других говоров из-за отсутствия письменных памятников и архивных материалов. Но независимо от этого он позволяет понять всю сложность процесса становления русских говоров Сибири, определившего их своеобразие по сравнению с материнскими русскими говорами Европейской части СССР. Эта сложность лексики и даже фонетики усугубляется в тех говорах Сибири, которые находятся или в постоянном иноязычном окружении (русские «островные» говоры Якутии и Бурятии), или в длительных и глубоких контактах с языками аборигенов (русские камчатские говоры). Значительные результаты достигнуты лексикологами Сибири в тематическом описании сибирских говоров [14—17]. Сведения, которые содержатся в работах этих авторов, важны сами по себе: они дают возможность этнографам и историкам конкретнее представить процесс приспособления русских, украинцев и белорусов, переселившихся в Сибирь, к новой природной среде; лингвист в этих работах может найти факты становления лексических парадигматических рядов, которые определили причину преобладания в лексике говоров Сибири северновеликорусской диалектной основы. Тематическое описание лексики сибирских говоров дает возможность лингвистам конкретнее и глубже представить характер и причины заимствования слов в русские говоры Сибири, тесно связанные с языками различных аборигенов Сибири, тюркскими, тунгусо-маньчжурскими, самодийскими. Наиболее значительные результаты в изучении проблем заимствования в русские сибирские говоры достигнуты С. И. Ольгович и Л. А. Самсоновым. Но этими и другими авторами наблюдения велись над частными фактами. Вопросы последовательного изучения лексики, заимствованной в разные периоды истории формирования сибирских говоров, остаются открытыми. Следует заметить, что

в большинстве работ при выяснении причин заимствования слова и изменений в его семантике обращается внимание, главным образом, на денотативную основу в значении такого слова. И понятно, почему. Достаточно для этой цели привести примеры заимствования слов в забайкальских говорах: *бакари* — длинные унты; *арса* — сыр домашнего приготовления, похожий на творог; *арушень* — сушеный творог; *архи* — молочный спиртной напиток; *тайган* — недавно кастрированный конь, еще не обьезженный; *такша* — деревянная пиала; *армак* — блюдо, приготовленное из жареных потрохов [18]. Все эти слова, заимствованные из бурятского языка, обозначают у русских забайкальцев новые для них бурятские реалии. Но как объяснить заимствование слов *барахчан* «однолетний теленок» и *балар* «мошенник» в те же говоры и из того же бурятского языка? Ведь значение слова *барахчан* адекватно широко известному в Сибири слову *селеток* (слово северновеликорусского происхождения). В забайкальских русских говорах в результате длительных контактов русских с бурятами, надо полагать, создалась такая языковая ситуация, когда частота употребления бурятского слова обусловила избыточность слова *селеток* (этим же объясняется и заимствование *балар*) в названном значении. Это слово в забайкальских говорах вошло в другую лексическую парадигму, со словом *лошадь*, и по аналогии с ним изменило форму рода: *селетка*³ «молодая необъезженная лошадь, жеребенок по первому году».

При изучении семантических изменений в заимствованной предметной лексике необходимо знать не только конкретные признаки названной реалии, но и обстоятельства, при которых осваивались посетителями русских; говоров иноязычные слова. Так, например, в сибирских говорах широко известно заимствованное из нанайского языка слово *кета* в значении «ценная красная рыба из семейства лососевых». С этим значением, но с иным ударением слово из сибирских говоров вошло в лексику русского литературного языка. Но в нанайском языке слово *киата* [21] имеет значение «любая снулая, т. е. неживая или полуживая рыба, всплывшая на поверхность и увлекаемая течением», а порода красной ценной рыбы из семейства лососевых в нанайском языке называется словом *дава*. Возникает законный вопрос: почему русские заимствовали из нанайского языка слово *кета*, а не *дава*? Как известно, *кета* (а в Амуре из лососевых больше всего водилась кета) после нереста погибает, поэтому она и составляет основную массу «снулой» рыбы. Русские переселенцы на Амур, надо полагать, прежде всего и обратили внимание на эту породу рыб и перенесли название *кета* «снулая, дохлая» на этот вид лососевых, не восприняв нанайского противопоставления в семантике слов *киата* — *дава* (ведь для такого противопоставления «снулой» и «живой» рыбы в сознании русских людей, приехавших на Амур, прежде не было предметной основы: в русских реках рыба не погибает и не становится «снулой» после нереста).

Такое же переосмысление в говорах Сибири произошло в заимствованном из монгольских языков слове *чалдон*. В монгольских языках оно имело значение: «бродяга, каторжник» [22], в сибирских русских говорах: «коренной сибиряк, русский, старожил» [23, 20]. Судя по тому, что слово это заимствовано в XIX в., можно полагать: в XIX в. значительную часть сибирского населения стали составлять люди, сосланные в Сибирь царским правительством и оставленные там на вечное поселение.

Совершенно неизученным в проблеме заимствованной остается частный вопрос: переход семантически и фонетически освоенных русскими говорами Сибири тюркизмов в тюркские же языки Сибири. Так, например, в русских говорах Сибири широко известно слово *варнак* в значениях: 1) каторжник; 2) беглый каторжник; 3) разбойник, грабитель; 4) (бранн. и шутол.) шалун, проказник. По форме (и только по форме!) это слово со-

³ Форма *селеток*, *селетка*, по-видимому, является производной от *сеголеток*, *сеголетка* с общим значением «детеныш этого (сего) года рождения». Слово *сеголеток* известно в красноярских говорах [19, с. 179] и некоторых других говорах Новосибирской области [20, с. 492]. В забайкальских говорах формы *сеголеток* — *сеголетка* не зафиксированы.

относится с якутским *уоруйах* [13, с. 439], что значит «вор». Вместе с тем в якутском языке известно и другое слово, близкое по форме, *баранаак* [13, с. 63], имеющее те же значения, которые свойственны русскому сибирскому *варнак*. По мнению Е. И. Убрятовой, форма слова *баранаак* возникла в якутском языке в результате заимствования из сибирских говоров слова *варнак*. В русские же говоры это слово заимствовано, как полагает Е. И. Убрятова, из чувашского языка [о чем свидетельствует географическое распространение слова (см. «Словарь русских народных говоров», вып. 4)], при этом произошло расширение значения слова.

В последние годы появилось значительное количество работ, отражающих коннотативно-экспрессивную сторону сибирских диалектных слов. Все более привлекают внимание сибирских диалектологов проблемы изучения лексики как системы. Не отвергая значения подобного рода исследований, необходимо отметить в этих работах чрезмерное увлечение модными теориями, что проявляется в утверждениях о том, что значения слов формируются только в результате парадигматических и синтагматических связей в семантике слов; в попытках ограничить изучение семантики слов методом дистрибуции и перенесением фонологического метода установления оппозиций в фонемах Н. С. Трубецкого на изучение диалектных слов. При этом часто используется лексический материал разных говоров, не контактирующих друг с другом. В результате лингвист создает схему зависимостей слов, лексические парадигмы и матрицы как своеобразный конструктор, который, конечно же, не отражает реально существующей совокупности лексических фактов, взаимодействующих друг с другом.

Последовательное и всестороннее изучение сибирской диалектной лексики было бы невозможно в таком объеме, который достигнут, без издания диалектных словарей. За последние двадцать лет было создано и вышло в свет около десяти сибирских региональных словарей. Назовем наиболее значительные из них: «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» [см. 23], «Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья» (Томск, 1977), созданные сотрудниками кафедры русского языка Томского университета; «Словарь русских говоров Новосибирской области» [см. 20], составленный сотрудниками отдела филологии Института истории, филологии и философии СО АН СССР; «Словарь русских говоров Забайкалья» [см. 18]; «Иркутский областной словарь» (Иркутск, 1973—1979, т. 1—3), созданный языковедами Иркутского педагогического института. Кафедрой русского языка Барнаульского университета подготовлен к изданию «Словарь русских говоров Алтая», лингвистическими кафедрами Благовещенского и Хабаровского пединститутов — «Словарь старожильческих говоров средней части бассейна р. Амура». Заняты подготовкой диалектных словарей и фразеологических материалов для словарей сотрудники кафедры русского языка Кемеровского университета. Филологи-русисты Института истории, филологии и философии СО АН СССР подготовили к изданию «Фразеологический словарь русских говоров Сибири». Все эти словари дифференциального типа. Задачу создания полного диалектного словаря сибирские диалектологи не ставят. И это неслучайно. Идею создания диалектных словарей дифференцированного типа теоретически обосновал Ф. П. Филин [24]. Она нашла свое воплощение в практике составления многотомного «Словаря русских народных говоров». Принципами лексикографической характеристики диалектных слов и их отбора в словник, разработанными Ф. П. Филиным, руководствуется абсолютное большинство советских лексикографов, составляющих современные диалектные словари, в том числе и сибирские диалектологи. Эти принципы обусловлены глубоким пониманием современного состояния говоров, процессов, которые в них происходят, особенно — в лексике. В работах Ф. П. Филина и других лингвистов (см. например, исследования Т. С. Коготковой [4]) современное состояние говора характеризуется как «полудиалект», т. е. такое состояние говора, когда под влиянием литературного языка в нарастающих темпах происходит нивелирование

традиционных явлений в фонетике, морфологии, синтаксисе, исчезают целые тематические группы слов, происходит перестройка в парадигматических рядах, избирательно осваиваются литературные слова или их отдельные значения.

Можно ли при таком состоянии говора в наше время создать полный (недифференцированный) словарь говора? Практика показывает, что такие словари — это словари картотек, они не отражают реального состояния лексики говора: в них помещено только то, что удалось записать при обследовании говора (просторечная, литературная, диалектная лексика). Чтобы убедиться, какое огромное количество и диалектных, и литературных слов не вошло, например, в «Псковский областной словарь», и, значит, пропущено собирателями, достаточно провести один лингвистический эксперимент: составив вопросник к словам какой-либо тематической группы, попытаться на его основе в результате опроса выявить эту тематическую группу слов или лексическую парадигму и сопоставить ее с теми словами этой группы, которые зафиксированы в словаре. Станет очевидным, что многие слова этой парадигмы в названном словаре оказались пропущенными. А сколько слов в говоре, которые не вступают в парадигматические отношения?

Идея создания полных словарей особенно неприемлема при лексикографическом описании говоров Сибири, где пропорции русских литературных, разноречных, заимствованных, украинских и белорусских слов в разных населенных пунктах настолько различны, что для воплощения идеи создания полного словаря, отражающего системный характер лексики (представим невозможное возможным!), пришлось бы писать сотни словарей говоров или отдельных диалектных зон, микросистем. Это потребовало бы многолетнего труда сотен лингвистов, а результаты его были бы минимальными, потому что в словнике таких словарей была бы представлена пестрая смесь общерусских, разноречных и заимствованных слов, зафиксированных далеко не полностью. Несомненно, гораздо важнее было бы создать общесибирский диалектный словарь дифференцированного типа. Работа над ним, если учесть необходимость в новых материалах, которые следует собрать на еще не обследованных территориях, потребует усилий, пожалуй, всех лингвистических кафедр вузов Сибири. Но она вполне осуществима. Организовать ее и довести до конца могла бы кафедра русского языка Томского университета, имеющая опыт в составлении сибирских диалектных словарей и теоретически подготовленная для такой работы.

При собирании новых материалов для такого словаря прежде всего надо иметь в виду говоры обширных территорий Омской, Тюменской, Читинской областей и Дальнего Востока, «островные» говоры Якутии и Бурятии. Если учесть нарастающую интенсивность влияния литературного языка на сибирские говоры, освоение его новыми поколениями людей в школе и в учебных заведениях и приток огромного количества специалистов в Сибирь из центра в связи с нарастающими темпами освоения ее природных богатств, рост городского населения и переход значительных групп русского крестьянского населения Сибири к новым видам трудовой деятельности, — можно полагать, что в ближайшие десятилетия посетителями диалектной сибирской речи останутся единицы людей старшего поколения. Было бы целесообразно поэтому в настоящее время лингвистам Сибири скоординировать свои усилия так, чтобы можно было собрать диалектную сибирскую лексику в говорах, которые до сих пор остаются не изученными.

В современном «полудиалектном» состоянии говоров, как это ни странно, именно лексика проявляет еще некоторую устойчивость в употреблении: она в отличие от синтаксиса «имеет опору» в предметах, явлениях, фактах внеязыковой действительности.

Кроме этой важной задачи, перед русистами Сибири стоят и другие, не менее сложные: анализ и описание диалектного словообразования, изучение истории происхождения диалектных слов и фразеологизмов.

Изучение этих проблем находится пока в зачаточном состоянии, но

полученные результаты позволяют надеяться, что работа над ними будет перспективной: составленный томскими лингвистами «Опыт обратного диалектного словаря» (Томск, 1973) содержит значительный фактический материал, сопоставительный анализ которого, а также материалы других диалектных словарей и семнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка» позволили М. Н. Яценецкой описать словообразовательную семантику русского языка и его говоров в аспекте взаимодействия словообразования с лексикой и морфологией [25]. Не менее значительны результаты этимологических исследований диалектной лексики, выполненных О. И. Блиновой и ее учениками [26—27]. Эти работы важны не только для выяснения истории происхождения собственно диалектных слов, они позволяют во многих случаях точнее установить этимологию многих слов литературного языка, имеющих с диалектными ту же производящую основу или ее фонетический вариант. Большое значение для исторической лексикологии русского языка будет иметь мотивационный словарь диалекта, который составляют сотрудники кафедры русского языка Томского университета. Сибирские говоры содержат богатый и интересный фразеологический материал, изучение которого только начинается. Из всех аспектов изучения сибирской диалектной фразеологии наиболее интересным, как нам представляется, является исторический: он позволяет во многих случаях установить причины образования диалектных ФЕ, их связи и взаимодействие с общенародной фразеологией и дает много новых сведений о процессе фразеологизации словосочетаний. Эти вопросы в меру своих возможностей попытался разрешить автор настоящей статьи в книге «Сибирская диалектная фразеология» [28]. Их дальнейшее изучение может быть более успешным после опубликования «Фразеологического словаря русских говоров Сибири».

Подводя итоги краткого и далеко не полного обзора изучаемых проблем русского языка в Сибири, можно сказать, что сибирские русисты выполнили значительную исследовательскую работу по изучению русского языка в Сибири, развивавшегося здесь в своеобразных условиях в продолжении четырех столетий, начиная с походов Ермака с последующими массовыми переселениями русских из разных пределов Московской Руси, а позже — украинцев и белорусов. С наибольшей глубиной и последовательностью изучены среднеобские говоры. Главные аспекты исследований этих говоров представлены в трудах лингвистов Томского университета.

Многое еще предстоит сделать. Но, пожалуй, главной и общей задачей сибирских диалектологов-русистов следует считать подготовку диалектных словарных и фразеологических материалов для сибирских региональных словарей, имея в виду и другую цель: с максимальной полнотой отобразить сибирскую диалектную лексику и фразеологию в грандиозном по масштабам и наиболее важным по значению для науки диалектологическом начинании нашего времени — в «Словаре русских народных говоров», над созданием которого вот уже двадцать лет работает группа ленинградских филологов-русистов под руководством Ф. П. Филина. Пополнение картотеки этого словаря с целью обогащения его словника и семантики слов и фразеологизмов — это почетный долг лингвистов-диалектологов (здесь можно не бояться громких слов!) перед традиционной русской народной языковой культурой, если иметь в виду, что семантика слов и фразеологизмов — важный источник для изучения духовной и материальной культуры народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII в. М., 1960.
2. Долгих В. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, с. 616—617.
3. Браславец К. М. Диалектологический очерк Камчатки. — Уч. зап. Хабаровского гос. пед. ин-та, т. XIV. Южно-Сахалинск, 1968.
4. Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология. М., 1979.
5. Буцинский П. И. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889. с. 23.

6. Палагина В. В. Диалектный состав первых жителей Томска.— В кн.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Вып. 7. Томск, 1977.
7. Воробьева И. А. Русская топонимия средней части бассейна Оби. Томск, 1973.
8. Соболевский А. И. Очерк русской диалектологии.— Живая старина, 1892, т. 2, вып. 2, с. 24.
9. Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири.— В кн.: Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968.
10. Матвеева Г. И. Фонетическая система старожильческих говоров юго-восточных районов Новосибирской области.— В кн.: Материалы по фонетике и истории сибирских говоров. Красноярск, 1975.
11. Палагина В. В. Фонетические особенности говора д. Заливино Тарского района Омской области.— Тр. Томского ГУ, 1955, т. 129.
12. Сенкевич В. А. Проблемы сибирской и уральской диалектологии. Челябинск, 1975.
13. Якутско-русский словарь. М., 1972.
14. Блинова О. И. Лексика обработки льна, прядения и ткачества в старожильческих говорах средней части бассейна р. Оби.— Тр. Томского ГУ, 1964, с. 174.
15. Блинова О. И. Производственно-промысловая лексика старожильского говора с. Вершинина Томского района Томской области: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Томск, 1962.
16. Иванова Ф. П. Названия одежды и обуви в говорах старожильческих районов Томской области, расположенных по реке Оби и ее притокам.— Уч. зап. Томского ун-та, 1958, № 30.
17. Лукьянова Н. А. Бытовая лексика говоров Сузунского района Новосибирской области.— В кн.: Исследования по языку и фольклору. Вып. 1. Новосибирск, 1965.
18. Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
19. Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1968.
20. Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979, с. 579.
21. Овченко С. Н. Нанайско-русский словарь. М., 1980.
22. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971, с. 487.
23. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Томск, 1967, т. 3, с. 220.
24. Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». М.— Л., 1961.
25. Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования. Томск, 1979.
26. Блинова О. И. Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии.— В кн.: Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика. 1971. Л., 1972.
27. Блинова О. И. Мотивационный словарь диалекта и некоторые вопросы теории.— В кн.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Вып. 7. Томск, 1977.
28. Федоров А. И. Сибирская диалектная фразеология. Новосибирск, 1980.